

вается, вместе с «Историей бриттов» Гальфрида и двумя современными ему романами, «Романом об Энее» и «Романом о Трое» Бенуа де Сент-Мора, творившего, как и Вас, при дворе Генриха II Плантагенета и сменившего автора «Брута» на должности королевского историографа, «в новую современную перспективу, в соответствии с которой франкоязычный мир XII в. наследует культуру и политическую власть греко-римского мира, переместившегося с востока на запад»¹³⁸, о чем будет говорить и Кретъен де Труа в знаменитом фрагменте из пролога к своему «Клижесу»^{139, 140}:

Se nos ont nostre livre apris
Que Grece ot de chevalerie
Le premier los et de clergie,
Puis vint chevalerie a Rome
Et de la clergie la somme,
Qui or est en France venue.

Нам книги древние порукой:
Обязаны своей наукой
Мы Греции, сомнений нет;
Оттуда воссиял нам свет.
Велит признать нам справедливость
За ней ученость и учтивость,
Которые воспринял Рим
И был весьма привержен к ним.
В своем благом соединенье
Они нашли распространенье
У нас во Франции теперь.

Такая перспектива *translatio imperii et studii* должна была подтвердить, что предками королей анжуйской династии были троянцы¹⁴¹.

¹³⁸ La geste du roi Arthur. P. 8.

¹³⁹ *Chrétien de Troyes. Romans*. P., 1994. Vv. 27–32; далее 30–35, 41–45, 73–80, 109–112, 1019–1024, 1210–1216, 4435–4458, 7535–7540. P. 291–292.

¹⁴⁰ *Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес*. М., 1980. С. 213.

¹⁴¹ См. *Curtius E.R., La littérature européenne et le Moyen Age latin / trad. de l'Allemagne par Jean Bréjoux*. P., 1991 (1956). P. 598–599;

У Васа эпизод зачатия Артура разрастается, обогащается новыми подробностями. Скажем для начала, что он посвятит этому эпизоду 264 стиха¹⁴². Он сохраняет превосходную характеристику Ижерны: «не было краше ее во всем королевстве», *n'en ot plus bele en tut le regne* (v. 24), но добавляет к ним, однако, еще два стиха, которые впоследствии очень часто будут характеризовать женщин в куртуазной литературе XII–XIV вв.: «была вежественна, красива, разумна // и из благородного рода», *curteise esteit e bele e sage, / e si esteit de grant parage* (vv. 25–26). Еще одна деталь или, точнее, мотив, которым мы обязаны Васу, ибо его нет у Гальфрида Монмутского, и который также будет путешествовать по средневековым литературам, — это мотив вспыхнувшей любви героя к женщине, которую он ни разу не видел, но о красоте которой узнал по слухам:

Li reis en ot oï parler,	Король слышал о ней,
e mult l'aveit oï loer;	Слышал все те похвалы, которые ей
ainz que nul semblant en feïst,	воздавали;
veire asez ainz qu'il la veïst,	Такая хвала шла о женщине,
l'ot il cuveitie e amee,	Что еще до того, как проявить к ней
kar merveilles esteit loee.	малейший признак интереса

Boutet D. Histoire de la littérature française du Moyen Age. P.: Honoré Champion, 2003. P. 42; Boutet D. Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire. P.: Champion, 1992. P. 440–446. Отметим также, что существует миф о троянском происхождении и французской династии. Фредегер в своей «Книге истории франков» (*Liber Historiae Francorum*), написанной около 660 г., был первым, кто возвел франков к троянцам, поскольку их прародитель Франсион, основатель Парижа, был троянским князем и кузеном Энея.

¹⁴²La geste du roi Arthur. P. 29–43.

И даже до того, как ее увидеть,
Король возжелал ее и
почувствовал
к ней любовь.

Эта цитата, на наш взгляд, свидетельствует, что мотив любви, внушенной рассказами, который у Гальфрида отсутствует, не дает нам права говорить о том, что любовное чувство поразило отца Артура, «подобно солнечному удару»¹⁴³, как писал об этом А.Д. Михайлов.

Отметим, прежде чем вернуться к сравнению Гальфрида и Васа, что данный мотив позаимствует у Васа Мария Французская, описывая вспыхнувшую любовь короля Эквитана к жене своего вассала, о которой тот узнал лишь по слухам:

El reialme n'aveit sa per.	Она не имела равных в королевстве.
Li reisl' oï sovent loër.	Король часто слышал похвалы в ее адрес,
Soventes feiz la salua ;	Посылал ей приветы и подарки.
de ses aveirs li enveia.	Уже до того, как ее увидел,
Senz veüe la conveita...	Начал ее желать...

Все, кто читал «Брута», сходятся во мнении, что Вас — «скорее романист, чем историк»¹⁴⁴. Текст «Брута» более риторичен, чем его латинский оригинал, причем восьмисложный стих, которым пишет Вас, органически сочетается с использованием многих риторических приемов и известной живописностью; так, добиваясь ритмических эффектов, Вас то и дело использует повто-

¹⁴³ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006. С. 39.

¹⁴⁴ Wace. Le Roman de Brut / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. LXXXVII.

ры, перечисления и анафору: «пьет ли он, ест ли он, // говорит ли он, молчит ли он» («se il manjot, se il beveit, / se il parlot, se il taiseit», vv. 35–36) или:

Vit les vales, vit les plainnes, [...],	Видит равнины и долины, [...],
Vit les eues, vit les rivages,	Видит озера и реки,
Vit les champs, vit les praeries,	Видит поля, видит луга,
Vit les porz, vit les pescheries,	Видит гавани, видит рыбные заводы,
Vit sun pople multepleier,	Видит, как множится его народ,
Vit les terres bien guainier...	Видит ухоженные земли...

Сходные риторические пассажи мы будем встречать и далее, на протяжении всего текста, например:

Ne puis aler, ne puis venir,	Я не могу ни ходить, ни ездить,
ne puis lever, ne puis culchier,	Ни бодрствовать, ни спать,
ne puis beivre, ne puis mangier...	Ни пить, ни есть...

Сравнение других эпизодов из «Истории» Гальфрида и романа Васа дает сходные результаты: рассказ Васа во многих случаях богаче, он более расцвечен и, можно сказать, еще больше удаляется от строгого исторического повествования, чем его латинский оригинал. Так, там, где Гальфрид довольствуется одной фразой, описывая город-крепость Тинтаголь¹⁴⁵ («... он [муж Ингерны, — Н.Д.] отослал ее в город Тинтаголь, расположенный на берегу моря, так как считал его наиболее надежным убежищем»¹⁴⁶), Вас предлагает читателю целую картину:

¹⁴⁵ Сохранено название города-крепости Тинтажеля, принятое в русском переводе «Истории бриттов».

¹⁴⁶ Гальфрид Монмутский. Указ соч С. 93. (Geoffrey of Mon-

Tintajiel ert bien defensable :	Тинтажель очень хорошо защищен,
n'esteit par nul engin pernabile;	Ни одна машина не может его разрушить.
de faleise est clos e de mer;	Замок защищен скалами и морем.
ki sul la porte puet garder,	Достаточно охранять вход в крепость,
mar i avra dute ne reguart	Чтобы ничего не опасаться,
que hum i entre d'autre part.	Поскольку других доступов у замка нет.

В отличие от Гальфрида, Вас включает в свое повествование диалоги между Утером и Ульфином (ст. 105–128), а также длинные монологи самого короля (ст. 202–225), его советника Ульфина и Мерлина, который у Васа принимает внешность Бретеля и описан куда более подробно, чем в латинском оригинале (ст. 149–174).

Отметим, наконец, еще две важные детали, отсутствовавшие у Гальфрида и впервые появляющиеся у Васа. Во-первых, Вас впервые вводит в свой роман мотив круглого стола, который устанавливает король Артур и о котором бретонцы рассказывают так много басен:

Pur les nobles baruns qu'il ot,	Для благородных сеньоров,
dunt chascuns mielldre estre quidot	Которые его окружали и каждый из
chascuns se teneit a meillur,	которых считал себя лучше других, —
ne nul n'en saveit le peiur —	Поэтому очень сложно было
fist Artur la Rõunde Table	определить худшего, —
dunt Bretun diënt mainte fable.	Артур сделал Круглый стол,
	О котором бретонцы рассказывают
	множество басен.

Во-вторых, как и Гальфрид, заканчивая рассказ о правлении короля Артура и называя год, когда он

mouth, p. 185: «posuit eam in oppido Tintagol in littore maris, quod pro tuciori refugio habebat»).

отбывает на остров Авалон, Вас сообщает несколько значительных деталей: упоминает бретонцев и их веру в возвращение короля, напоминает о себе и своем нежелании верить в его исчезновение, поскольку-де не знает ничего сверх уже рассказанного, наконец, добавляет эмоционально окрашенное сожаление о том, что Артур был бездетным:

Arthur, si la geste ne ment,
 fud el cors nafrez mortelment ;
 en Avalon se fist porter
 pur ses plaies medicinier.
 Encore i est, Bretun l'atendent
 sicum il dient e entendent ;
 de la vendra, encore puet vivre.
 Maistre Wace, ki fist cest livre,
 ne volt plus dire de sa fin
 qu'en dist li prophetes Merlin;
 Merlin dist d'Arthur — si ot dreit —
 que sa mort dutuse serreit.
 Li prophetes dist verité :
 tut tens en ad l'um puis duté,
 e dutera, ço crei, tut dis,
 se il est morz u il est vis.
 Porter se fist en Avalun
 pur veir puis l'Incarnatiun
 cinc cenx e quarante douz anz
 Damage fud qu'il n'ot enfanz :
 al fiz Cador, a Costentin,
 de Cornüaille, sun cusin,
 livra sun regne si li dist
 qu'il fust reis tant qu'il revenist.

Артур, если жеста говорит истину,
 Был смертельно ранен и увезен на
 Авалон, чтобы найти там исцеление
 от ран.
 Он до сих пор находится там,
 И бретонцы ждут его возвращения,
 Как они говорят и верят.
 Именно оттуда он вернется,
 Возможно, что он еще жив.
 Мэтр Вас, который составил эту
 книгу,
 Не хочет говорить ничего больше о
 кончине Артура,
 Ведь на самом деле никто не знает,
 Мертв ли он или жив.
 Пророк Мерлин говорит истину:
 всегда спрашивали и всегда будут
 спрашивать,
 Жив ли Артур или мертв.
 На самом деле, король был отправлен
 на остров Авалон в год пятьсот сорок
 второй после пришествия Христа.
 Какое горе, что у него не было детей!
 Константину, своему кузену, сыну
 Кадора Корнуэльльского,
 Вверил Артур управление своим
 королевством до его возвращения.

Однако есть и опущения. Мы не можем согласиться с издателем «Брута» Ивором Арнольдом в том, что эти опущения «редки и незначительны: несколько имен второстепенных персонажей, римских генералов, саксонских предводителей; имена епископов бриттов времен короля Артура, генеалогия королей Бретани»¹⁴⁷. Одно опущение можно считать и серьезным, и значительным: Вас исключил из своего перевода пророчества Мерлина о будущем Британии и ее королей, которые Гальфрид вставил в шестую книгу своей «Истории»¹⁴⁸. Возможно, Вас совершенно искренен, когда он признается, почему не хочет передавать пророчества Мерлина¹⁴⁹:

<p>Dunc dist Merlin les prophecies Que vus avez, ço crei, oïes, Des reis ki a venir esteient, Ki la terre tenir deveient. Ne vuil sun livre translater Quant jo nel sai interpreter...</p>	<p>Итак, Мерлин изрек пророчества, Которых, я думаю, вам доводилось слышать, О королях, которые придут к власти И будут владеть землями. Я не хочу переводить его (Гальфрида, — Н.Д.) книгу, Так как я не знаю, как ее интерпретировать.</p>
---	--

¹⁴⁷Wace. *Le Roman de Brut* / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. LXXIX.

¹⁴⁸Подробнее о пророчествах и о причинах такого опущения Васа см. в статье: *Veyseyre G.* «Metre en roman» les prophéties de Merlin. Voies et détours de l'interprétation dans trois traductions de l'*Historia Regum Britannie* // *Moult obscures paroles. Etudes sur la prophétie médiévale* / dir. R. Trachsler. P., 2007. P. 107-166.

¹⁴⁹Wace. *Op. cit.* P. 399.

Урочества действительно были очень темными, однако не нужно забывать и о том, что Вас писал для менее образованной публики и, как и всякий автор того времени, писавший на народном языке, стремился упростить содержание своего труда.

Так, очевидно, что диффузность категорий «правды» и «вымысла», значимая для литературной теории XII в. (о чем мы писали в начале этой главы) имеет значение и для Гальфрида, и для его последователя Васа. Последний еще более стирает границу между ними, сближая свой роман с «недостовверным повествованием» (*narratio fabulosa*), истинным в своей основе, но содержащим множество вымышленных элементов. Разумеется, в случае Васа, этот сдвиг коррелирует с его обращением к стихотворной форме романа на народном языке и тем самым к новой аудитории. Как и другие переводчики, создававшие вольные переложения латинских текстов, Вас разъясняет и упрощает оригинал, одновременно его амплифицируя. Как и другие авторы, передающие прозу стихами, Вас вводит в свой текст дополнительные детали, эпитеты, описания, прямую речь, — все это органично встраивается в стихотворное повествование, к этому его располагает избранная им стихотворная повествовательная форма¹⁵⁰. В то же время нельзя сказать, что работа Васа сводится к той, что обычно осуществляли создатели таких переводов: сравнительно с ними, Вас значительно усиливает

¹⁵⁰ См. *Евдокимова Л.В.* У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII в. М., 1997; *Евдокимова Л.В.* От смысла к форме. Перевод во Франции XIV в.: опыт типологии. М., 2011.

сказочную составляющую своего переложения, вводя туда такие дополнения, которые не были обусловлены только лишь задачами средневекового переводчика. Есть основания полагать, что осуществленный им сдвиг в понимании «правды» и «вымысла» не остался незамеченным и Марией Французской.

Вас и Мария Французская: от историографии к поэзии

Мария Французская, автор сборника лиро-эпических поэм о любви и приключениях, «Лэ» (*Lais*), знала и читала роман Васа «Брут» (*Brut*). Как показал Эрнест Хёпффнер, Мария обязана Васу «практически всеми историческими и географическими названиями»¹⁵¹, используемыми в ее «Лэ», описанием бури в лэ «Элидюке» (ст. 813–28)¹⁵², историей любви короля Эквитана к прекрасной даме, жене своего вассала и некоторыми другими эпизодами. На наш взгляд, и общий замысел Марии, так сказать, ее литературный проект, состоявший в создании сборника двенадцати лэ, посвященных приключениям бретонцев, возник под влиянием того же Васа. Этот замысел сформулирован в общем прологе, открывающем сборник «Лэ», а также в прологах и эпилогах отдельных лэ. Здесь Мария обсуждает стоящий перед ней выбор: к каким сюже-

¹⁵¹ Hoepffner E. La géographie et l'histoire dans les *Lais* de Marie de France // Romania. 1930. Т. 56. P. 32.

¹⁵² См. Hoepffner E. Les *Lais* de Marie de France. P., 1971. P. 96.

там лучше обратиться? Поначалу она предполагает создать какую-нибудь «хорошую историю», переведя ее с латинского на романский язык, что, как помним, и предпринял Вас в своем «Романе о Бруте». По-видимому, не случайно в общем прологе к «Лэ» Мария упоминает переводную «историю»¹⁵³ — возможно, создавая пролог, она помнила и думала о Гальфриде, Васе и их «истории» бретонцев¹⁵⁴:

Pur ceo començai a penser	Поэтому сначала я решила создать
d'alkune bone estoire faire	какую-нибудь
e de Latin en Romanz traire;	Хорошую историю,
mais ne me fust guaires de pris:	Переведя ее с латинского языка на
itant s'en sunt altre entremis.	романский.
	Но этим я не стяжала бы похвалы,
	Ведь многие другие делали то же самое.

Упоминаемые «другие» авторы (как мы предполагаем — Вас и его современники, сочинившие «Роман об Энее» и «Роман о Трое», а также, быть может, молодой Кретъен де Труа — переводчик «Метаморфоз» Овидия) заставляют Марию отказаться от ее первоначального замысла — от того, чтобы вслед за ними создавать вольные переводы *историй* с латинского на народный, романский язык. Ее мысль обращается к лэ, которые ей доводилось слышать: «Des lais pensai qu'oiiz aveie»¹⁵⁵.

¹⁵³ Отметим, что это единственный случай употребления Марией слова «история» во всем сборнике «Лэ».

¹⁵⁴ Lais de Marie de France /traduits, présentés et annotés par Laurence Harf-Lancner, texte édité par Karl Warnke. P., 1990. vv. 28–32. P. 24.

¹⁵⁵ Lais de Marie de France. Op. cit. v. 33. P. 24. Приведем классическое определение жанра лэ французского исследователя XIX в. Гастона Париса: «Это рассказы о любви и приключениях,

Мария Французская вводит лэ во французскую литературу. Некоторые исследователи даже считают, что ее можно назвать создательницей нового средневекового жанра — бретонского лэ. Такая точка зрения остается гипотезой, поскольку точные датировки для средневековых произведений часто проблематичны; тем не менее с уверенностью можно утверждать, что Мария была не первой, кто упоминал лэ в литературе XII в., — первым был Вас. Именно он, описывая торжества при дворе славного короля Артура, говорит о лэ и приводит при этом их перечень¹⁵⁶:

Mult out a la curt junglëurs,
chantëurs, estrumentëurs :
mult pëussiez oïr chançuns,
rotriengés e novels suns,
vïelëures, lais de note,
lais de vïeles, lais de rotes,
lais de harpes, lais de frestels,
lires, tympes e chalemels,
symphonies, psalteriuns,
monacordes, timbres, coruns.

Двор был полон жонглерами,
певцами, музыкантами;
много можно было слышать песен,
ротруанжей и новых мелодий,
звуков виолы, напевов лэ,
лэ, что игрались на виоле, роте,
арфе, флейте,
звуки лиры, бубна, свирели,
псалтериума,
кимвала и кифары.

Как так, согласно Васу, жонглеры исполняют лэ под аккомпанемент виолы и роты, арфы и флейты, о чем

где часто фигурируют феи, чудеса и превращения; не раз здесь говорится о стране бессмертия — острове Авалон, куда феи уводят и где удерживают героев; там упоминается Артур, двор которого иногда является местом действия, а также Тристан... Большой частью это осколки древней мифологии, а также обыкновенно непонятые и почти неузнаваемые; персонажи кельтских рассказов естественно превратились в рыцарей; в общем, там доминирует нежный и меланхолический тон...» (*Paris G. La littérature française au moyen âge. P., 1888. P. 91*).

¹⁵⁶ La geste du roi Arthur. vv. 1717–1726. P. 116.

Мария Французская также упоминает в эпилоге одного из своих лэ¹⁵⁷:

...fu Guigemar li lais trovez, que hum fait en harpe et en rote; bone en est a oïr la note.	Сочинили лэ о Гижмаре, которое исполняется на арфе и роте, музыку эту приятно слушать.
---	--

Такое исполнение, следовательно, было распространенным в XII в. Что касается самих лэ, даже если слово употреблялось до Марии, можно с уверенностью утверждать, что она была единственной, кто создал сборник из двенадцати бретонских лэ, двенадцати рассказах о приключениях, образующих единое целое, «*куртуазную комедию*»¹⁵⁸, как назвал сборник «Лэ» С.Ф. Дамон.

Из пролога мы узнаем также, что, услышав лэ, поэтесса перевела их стихами (Мария, как и Вас, использует распространённый в литературе XII в. восьмисложник с парной рифмовкой), чтобы сохранить от забвения, *pur remembrance*, и чтобы увековечить приключения, о которых повествовали услышанные Марией лэ: «...que pur remembrance les firent / *des aventures* qu'il oïrent...»¹⁵⁹.

В процитированных нами строках пролога появляется одно из ключевых слов для жанра лэ — «авантюра». Слово, которое Гальфрид Монмутский

¹⁵⁷ Lais de Marie de France. Op. cit. Vol. 884–886. P. 70.

¹⁵⁸ Damon S.F. Marie de France psychologist of courtly love // Publications of the Modern Language Association. 1929. Vol. 44. P. 995.

¹⁵⁹ Ibid. vv. 35–36.

еще не употреблял в своей «Истории»¹⁶⁰, и которое впервые появится в хронике Васа, в отрывке, который мы приведем чуть ниже.

Что касается сборника «Лэ» Марии Французской, слово «авантюра», приключение, впервые появится в прологе и будет повторяться во многих лэ. Поэтесса настаивает на том, что пишет о приключениях как в прологах, так и в эпилогах восьми¹⁶¹ лэ из двенадцати, а именно, в «Ясени», «Бисклавре», «Эквитане», «Йонеке», «Ланвале», «Двух влюбленных», «Соловье» и «Элидоке». По мысли Марии, каждое лэ есть не что иное, как приключение, рассказ о котором сохранили древние бретонцы. Добавим, что эти бретонцы являются одновременно протагонистами лэ и участниками приключений, произошедших в стародавние времена (Мария использует наречие *jadis*). Двенадцать лэ образуют рассказ об их приключениях. Но почему Мария Французская выбирает именно это число?

Как известно, очень часто композиция средневекового произведения строится на числах, — этот

¹⁶⁰ Как пишет Доминик Буте, «История бриттов» не знает никаких приключений, само слово еще не вошло в литературу к этому времени...» (*Formes littéraires et conscience historique aux origines de la littérature française (1100-1250)*. P., 1999. P. 88.)

¹⁶¹ В девяти, если посмотреть версию «Жимолости», которую предлагает нам манускрипт S. Ср.: манускрипт H: «Que la verité vus en cunt» (v. 3), S: «Que l'aventure vos acont» (v. 3). Подробнее о манускриптах H и S см.: *Demaules M. Note sur le texte et sur la traduction // Tristan et Yseut. Les premières versions européennes*. P., 1995. P. 1298-1305. Издание «Жимолости» по манускрипту S см. в книге: *Demaules M. Le manuscrit de Paris (S) // Tristan et Yseut. Les premières versions européennes*. P., 1995. P. 1306-1307.

прием, сначала «использующийся в латинской литературе, переходит и в литературы на народном языке»¹⁶²: пять книг «Утешения Философией» Боэция, сто песен «Божественной Комедии» Данте, «Сто баллад» Кристины Пизанской, второй средневековой поэтессы XV в., которую часто сравнивают с Марией Французской¹⁶³, «Пятнадцать радостей брака», сто новелл «Декамерона» Боккаччо и т.д.

На этом фоне выбор Марии Французской, предпочитающей двенадцать круглым цифрам, кратным пяти или десяти, и цифрам, имеющим символическое значение в средневековой теологии и философии (три, семь, девять), кажется удивительным. Конечно, Мария могла предпочесть число двенадцать, памятуя о двенадцати апостолах или двенадцати знаках зодиака, однако в сборнике «ЛЭ» мы не найдем ни отсылок к библейским текстам, ни к астролого-астрономическим трактатам. Двенадцать приключений бретонцев, как кажется, напоминают о двенадцати годах мира, установившихся в царстве короля Артура после его возвращения в Англию. Здесь Вас уверяет, что это время было озаменовано многими чудесными приключениями¹⁶⁴.

¹⁶² Curtius E.R. La littérature européenne et le Moyen Age latin, trad. de l'Allemagne par Jean Bréjoux. 1991 (1956). P. 795-796.

¹⁶³ См., например, статью: Paupert A. Deux femmes auteurs au Moyen Age. Marie de France et Christine de Pizan // Revue de la BNF. 2011. № 39. P. 6-13.

¹⁶⁴ Д. Буте отмечает, что упоминаемые здесь чудеса и приключения «представляют собой разрозненные, несвязанные между собой отрывки, отсылающие нас к миру «басен», рассказу

...en cele pais que jo di —
 ne sai si vus l'avez oï —
 furent les merveilles
 provees
 e les aventures trovees
 que d'Arthur sunt [tant]
 recuntees
 que a fable sunt aturnees:
 [ne tut mençunge ne tut
 veir,
 ne tut folie ne tut saveir,]
 tant unt li cuntëür cunté
 e li fablëür tant fablé
 pur lur cuntes enbeleter,
 unt tut fait fables sembler.

Во время этого мира, —
 Не знаю, слышали ли вы об этом, —
 Произошли все эти чудеса и все эти
 приключения,
 Которые так часто
 Рассказывают об Артуре,
 Что теперь все принимают их за басни:
 [хоть эти басни — не полная ложь
 и не только вымысел,
 не одна лишь глупость, но и
 не настоящая мудрость].
 Сказители столь часто их рассказывали,
 И сочинители столько насочиняли,
 Чтобы приукрасить эти рассказы,
 Что все они кажутся выдумками.

Обратим внимание на характеристику басен, входящую в приведенную цитату, — она, как кажется, перекликается с тем определением «недостовверного повествования» (*narratio fabulosa*), которое мы приводили выше. Вас здесь, с одной стороны, явно оправдывается перед теми, кто счел бы его повествование слишком далеким от истории, настаивая на неполной лживости басен. С другой стороны, стремясь предстать историком, он опускает самый рассказ о чудесах, случившихся во время двенадцатилетнего мира, и ограничивается только кратким упоминанием о них¹⁶⁵. Мария, как мы предполагаем, в отличие

о которых нет места в тексте, претендующем на историографическую ценность», — замечание, которое в виду всего вышеизложенного, быть может, сформулировано с излишней остротой. *Op. cit.* vv. 1059–1070. P. 82–84.

¹⁶⁵ *Boutet D.* *Formes littéraires et conscience historique aux origines de la littérature française (1100–1250).* P. 1999. P. 88. Отметим, что такое же отношение к «чудесам» Вас демонстрирует

от своего старшего современника, решает осветить именно эту, приключенческую, сторону жизни древних бретонцев, которым Вас уже создал литературную славу, — посвятив свой сборник лэ не описанию военных деяний, но приключениям бретонцев, *les aventures des Bretons*. Мария движется еще дальше в том же направлении, которое наметили ее старшие современники — Гальфрид Монмутский и Вас: в сборнике ее «Лэ» оппозиция «правды» и «вымысла» окончательно стирается. Не случайно она, как мы отмечали, обращается за географическими сведениями к квази-историческому повествованию Васа, вставляя их в свой сказочный рассказ о приключениях бретонцев, — эти приключения разворачиваются тем самым в реальных, исторически достоверных координатах.

в другом знаменитом фрагменте, на этот раз, в своем втором романе о Ру: Вас отправляется в знаменитую Броселианду в поисках чудес, руководствуясь многочисленными баснями бретонцев об этом волшебном месте, однако не обнаруживает там ровным счетом ничего и называет себя дураком:

Le seut l'en les fees veir,
 se li Breton nos dient veir,
 e altres mer(e)veilles plusors ;
 aires i selt aveir d'ostors
 e de grant cers mult grant plenté,
 mais vilain ont *tot* deserté.
 La alai jo merveilles querre,
 vi la forest e vi la terre,
 merveilles quis, mais nes trovai,
 fol m'en revinc, fol i alai;
 fol i alai, fol m'en revinc,
 folie quis, por fol me tinc. (vv. 6387–6398)

(*Wace. Le Roman de Rou / publié par A.J. Holden. T. II. P., 1971. P. 121–122.*)

В приведенной цитате у Васа слово «авантюра» неразрывно связано с другим словом — «чудо», — эти два слова в «Бруте» становятся практически взаимозаменяемыми, точно так же, как в «Лэ» Марии Французской, например, в лэ о Бисклавре¹⁶⁶:

La dame oï cele merveille, Дама услышала о таком чуде,
de poür fu tute vermeille. Густо покраснела,
De l'aventure s'efrea. Приключение повергло ее в сильный страх.

В том же лэ Мария в очередной раз сближает «приключение» и «чудо»¹⁶⁷:

Meinte merveille avum veüe Много видели чудес
ki en Bretaigne est avenue... Приключившихся в Бретани...

Обратим внимание и на то, что Вас в «Бруте» подсказал Марии и рифму «vermeille-merveille», которой она охотно воспользовалась в приведенных нами стихах¹⁶⁸:

Tute ert de sanc l'erbe vermeille Вся трава была красной от крови,
E ço n'esteit mie merveille... И в этом не было ничего удивительного...

Но вернемся к замыслу Марии. Конечно, нельзя сказать, что одному году мира в хронике Васа соответствует одно лэ в сборнике Марии. Мы предполагаем, что Мария Французская, «которая уделила немало времени чтению Васа»¹⁶⁹, решает, так сказать,

¹⁶⁶ *Lais de Marie de France*. vv. 97–99. P. 120.

¹⁶⁷ *Ibid.* vv. 259–260. P. 128.

¹⁶⁸ *Wace. Le Roman de Brut* / éd. I. Arnold. T. I. P., 1938. P. 216.

¹⁶⁹ *Hoepffner E. Les Lais de Marie de France*. P., 1971. P. 58, 96.

заполнить лакуну в романе Васа и описать тот период мира в государстве короля Артура, когда бретонцы отдыхали от войн.

Жаше предположение косвенно подтверждается составом одной рукописи XIII в., включающей роман Васа¹⁷⁰. Переписчик обрывает роман «Брут» на месте, когда «Артур устанавливает мир во всем королевстве, чтобы вставить в текст романы Кретьена де Труа в качестве истинного свидетельства правления Артура»¹⁷¹ и чтобы показать древних бретонцев с куртуазной стороны, рассказав о приключениях и чудесах, происходивших с ними. Если этот переписчик счел возможным дополнить повествование Васа приключенческими романами Кретьена, мы можем предположить, что и Мария Французская написала свои двенадцать лэ в дополнение к его хронике, освещая жизнь бретонцев, их нравы и их чудесные приключения.

При этом важно отметить, что Мария проводит четкую границу между «историей», *estoire*, и своими повестями. Слово «*estoire*», как мы уже замечали Мария Французская употребит лишь однажды, в прологе к сборнику «Лэ»¹⁷²:

Pur ceo començai a penser	Поэтому сначала я решила
d'alkune bone <i>estoire</i> faire	создать какую-нибудь хорошую историю,
e de Latin en Romanz traire...	Переведа ее с латинского языка на
	романский.

¹⁷⁰ Речь идет о манускрипте ms. Bibl. nat., fr. 1450, датированном второй четвертью XIII в.

¹⁷¹ Walters L. Le rôle du scribe dans l'organisation des manuscrits des romans de Chrétien de Troyes // Romania. 1985. Т. 106, n°3-4. P. 304.

¹⁷² Lais de Marie de France. vv. 28-30. P. 24.

Так, Мария ассоциирует историю с переводами латинских жест и хроник, ей она противопоставляет свои лэ, рассказы, которые она слышала (устный источник) и записала.

Уистатели второй половины XII в. — в частности, те, кто работал с так называемым «бретонским материалом» — сохраняют традиционное для Средних веков противопоставление «правды» и «вымысла». «История королей Британии» Гальфрида Монмутского и «Роман о Бруте» Васа иллюстрируют начальные стадии размывания этих категорий. Однако ни Гальфрид, ни Вас, ни Мария еще не решаются сократить кажущийся непреодолимым разрыв. Французской литературе понадобится еще восемь веков, чтобы автор смог сказать: «история эта совершенно истинна, поскольку я ее выдумал от начала и до конца».

Изучение «Лэ» Марии Французской в контексте историографических сочинений ее старших современников позволило нам пролить свет на ее общий замысел, состоявший в том, чтобы дополнить квази-историческое сочинение Васа о военных деяниях и подвигах бретонцев рассказом об их нравах и чудесных приключениях.

Глава II

Бретонская интер-
текстуальность:
Мария Французская
и Кретьен де Труа

В предыдущей главе мы попытались показать, чем Мария обязана Васу как «переводчику» Гальфрида Монмутского. Поставим перед собой задачу в настоящей главе сопоставить «Лэ» Марии Французской с произведениями ее, быть может, самого знаменитого современника, автора романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, Кретьена де Труа.

О творчестве Марии, как и о творчестве Кретьена, написано очень много, о сопоставлении творчества Марии и Кретьена — на удивление мало. Возможно, это объясняется тем, что ни Мария, ни Кретьен ни разу не упомянули друг друга на страницах своих произведений. Некоторые ученые касаются в своих работах сходств и различий между этими авторами¹⁷³, однако на сегодняшний день нет ни одной

¹⁷³ См., например: *Hoepffner E.* Les Lais de Marie de France. P., 1971; *Mickel E.J.* Marie de France. New York, 1974; *Pelan M. M.* L'influence du Brut de Wace sur les romancieres francaies de son temps. Genève, 1974; *Ménard Ph.* Les Lais de Marie de France. Contes d'amour et d'aventure du Moyen Age. P., 1997; *Bloch R.H.* The anonymous Marie de France. L., 2003, а также статью: *Wilmotte M.* Marie de

монографии, посвященной их систематическому сопоставлению¹⁷⁴.

Э. Хепффнер, рассуждая о том, знала ли Мария Французская ранние вольные переводы Кретьена де Труа из Овидия (например, «Филомену»), замечает, что это «очень возможно, хотя у нас и нет прямых свидетельств на этот счет»¹⁷⁵, однако на вопрос о том, была ли она знакома с новым типом артуровского романа, созданным тем же автором, исследователь отвечает отрицательно¹⁷⁶.

Э. Микел, автор исследования «Мария Французская», которое появилось во второй половине XX в.¹⁷⁷, мимоходом затрагивает вопрос о влиянии, которые два автора оказывали друг на друга, и приходит к выводу, что «отсутствие каких-либо ссылок у Марии Французской на произведения Кретьена де Труа неопровержимым образом свидетельствует, что «Лэ» хронологически предшествовали его романам»¹⁷⁸. Напротив, многие исследователи Кретьена отмеча-

France et Chrétien de Troyes // Romania. 1926. Vol. 52. P. 353–356, где Вильмот высказывает мнение, в соответствии с которым один из пассажей в лэ Марии Французской «Гижмар» — заимствование нескольких стихов из романа Кретьена де Труа «Клижес». Вильмот обвиняет Марию в плагиате у Кретьена и у других авторов. Мы не можем согласиться с этой гипотезой и выскажем свою точку зрения в этой главе.

¹⁷⁴ По данным сайта www.Arlima.net (02.02.2016).

¹⁷⁵ Hoepffner E. Les Lais de Marie de France. P., 1971. P. 53.

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Mickel E.J. Marie de France. New York. 1974.

¹⁷⁸ Mickel E.J. Op. cit. P. 18.